

Вячеслав Качалов

Дорогой снов

Вячеслав Качалов

Дорогой снов

«Автор»

2026

Качалов В.

Дорогой снов / В. Качалов — «Автор», 2026

Говорят, на севере есть замок, где разом уснули все женщины — и никто не знает, проснутся ли они вновь. Говорят, в лесу живёт вампир, который не убивает ради жажды, а ждёт — сам не зная чего. Говорят, две сестры-ведьмы прячут лица в тени старого холма, и одна из них уже устала быть чудовищем. Говорят, последний инквизитор ещё жив — но вера его мертва. Здесь, где туман скрывает грехи, а кровь говорит громче молитв, каждый сделает выбор. И не всякий выбор понравится Богу. Но когда любовь рождается между охотником и добычей, проклятие может обернуться благословением, а прощение — последним, что останется перед лицом бездны. Тёмное фэнтези о вере, которая проходит сквозь пламя. О любви, которая не спрашивает, кто ты — святой или убийца. И о том, что иногда чудовище — это не тот, кто пьёт кровь, а тот, кто носит крест.

© Качалов В., 2026

© Автор, 2026

Вячеслав Качалов

Дорогой снов

Глава I

Далеко на севере, где даже летом ветер пахнет близкой зимой, лежит большое поле. Трава на нём седая от холода, примятая, словно по ней долго шли. Почти у самого леса, там, где поле упирается в чёрную стену елей, стоит замок.

Он невелик и невзрачен — серый камень, местами выкрошенный, потемневший от времени. Плющ оплёл его так густо, что в сумерках не сразу поймёшь, где кончается замок и начинается лес. Ни огонька в окнах. Ни звука.

Солнце уже село. Небо на западе ещё тлело багровой полосой, но над полем сгущалась темнота — густая, почти осязаемая. Холод поднимался от земли, пробирался под одежду, заставляя ёжиться даже привычного ко всему путника.

Через поле брёл монах.

Звали его Отто. Ряса с капюшоном, низко надвинутым на лицо, скрывала и лицо, и фигуру — со стороны казалось, что движется не человек, а тень, оторвавшаяся от леса. Он ступал тяжело, но размеренно, как человек, привыкший к долгой ходьбе. Посох оставлял во влажной земле глубокие лунки.

Увидев впереди замок, Отто остановился. Перевёл дух. Мысль о ночлеге пришла сама собой — другого крова на много миль вокруг не сыскать. Он поднял голову, вглядываясь в тёмный силуэт, и что-то в этом замке ему не понравилось. Слишком тих. Слишком тёмно. Но выбирать не приходилось.

Он двинулся дальше.

Подойдя ближе, Отто увидел, что ворота приоткрыты. Тяжёлая, окованная железом створка подалась от лёгкого толчка — без скрипа, без усилия, словно ждала. Монах переступил порог.

И замер.

Двор был полон девушек.

Они лежали прямо на земле — на холодных камнях, на пожухлой траве, у стен, у колодца. Прелестные, юные, в лёгких платьях, не приспособленных для северной ночи. Волосы разметались, руки безвольно раскинуты. Словно спали. Но в этой неподвижности было что-то до жути неправильное.

Отто медленно, стараясь не шуметь, подошёл к ближайшей. Опустился на колени. Пальцы нашли запястье — тонкое, ещё тёплое. Он надавил, выжидая.

Пульса не было.

Кожа ещё хранила живое тепло — такое, какое бывает у спящего, которого только что разбудили. Но сердце молчало. Жизнь ушла из неё совсем недавно. Минуту? Две?

Отто перекрестился. Губы его беззвучно зашевелились — то ли молитва, то ли давняя привычка. Потом он поднялся, вытащил из складок рясы короткий кинжал и направился внутрь.

Тяжёлая дверь в главную залу была не заперта. Изнутри тянуло теплом — горел камин. Отто вошёл бесшумно, держась тени у стены.

Зал был велик для такого скромного замка. Высокий потолок терялся во мраке. Вдоль стен — гобелены, выцветшие, но когда-то дорогие. В камине догорали дрова, бросая дрожащие отсветы на каменный пол.

В кресле у огня сидел мужчина.

Одежда на нём была богатая — бархат, мех, — но измятая, будто он не снимал её много дней. Лицо осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Он сидел неподвижно, глядя в огонь, и лишь пальцы правой руки нервно постукивали по подлокотнику.

А у его ног, на каменном полу, сидела девушка.

Тонкая шея — и на ней железный ошейник. Цепь от ошейника уходила к кольцу, вбитому в стену. Девушка не спала. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в пустоту. Взгляд её скользнул по вошедшему монаху — и ничего не выразил. Словно она видела только тени.

Больше в зале никого не было.

Отто сделал шаг вперёд. Половица скрипнула. Мужчина в кресле вздрогнул, резко обернулся. На миг в его глазах мелькнул животный страх. Но, разглядев монаха, он обмяк, выдохнул, потёр лицо ладонью.

— Кто ты? — голос у него был хриплый, то ли от долгого молчания, то ли от выпитого.

— Странник, — ответил Отто. Кинжал он не убрал. — Меня зовут Отто. Я проходил мимо. Мне нужен ночлег.

— Ночлег... — мужчина усмехнулся невесело. — Что ж, гость в такую ночь — это почти подарок. Меня зовут Теодор. Я хозяин этого... — он обвёл рукой зал, — дома.

— Что случилось с девушками во дворе? — спросил Отто прямо.

Теодор опустил глаза. Тишина тянулась долго, только дрова в камине потрескивали. Наконец он заговорил — глухо, медленно, будто слова давались ему с трудом:

— Остались только мы. Я. И она. — он кивнул на девушку на цепи. — Остальные просто уснули. Я видел это с балкона. Одна за другой — падали и засыпали. Быстро, без криков. Как будто кто-то задувал свечи.

— И ты просто смотрел?

Теодор поднял голову. В глазах его стояла муть — не то слёзы, не то бессильная злоба.

— Да. Смотрел. Пытался понять причину. — Он помолчал. — И, кажется, понял.

Он откинулся в кресле, уставился в потолок.

— В наших краях есть старая легенда. О двух ведьмах-сёстрах. Говорят, они забирают у девушек естество. Оставляют пустые оболочки. Зачем — не знает никто. Но до них ещё ни один смельчак не добрался. Кто уходил — не возвращался.

Отто слушал молча. Когда Теодор закончил, он подошёл к камину, встал напротив, глядя на огонь.

— А если я смогу помочь? — спросил он негромко. — Что я получу взамен?

Теодор оживился. В его глазах блеснул знакомый огонёк — огонёк человека, привыкшего покупать и продавать.

— Я дам тебе всё, что захочешь. Озолочу. Хочешь — останешься здесь, поделишь со мной богатство. Будешь жить так, как никогда не жил. Ты даже не представляешь, о каких суммах идёт речь.

Отто повернулся к нему. Лицо его, наполовину скрытое капюшоном, было спокойно.

— Благодарю. Но я попрошу иного.

Он сделал паузу. В зале стало тихо, только огонь шептался с дровами.

— Всё своё состояние — большую его часть — отдай на дела богоугодные. Ты живёшь в роскоши. Твой дух грязен, ты увяз в пороке. Помоги себе сам: отдай, пожертвуй. Сделай так, чтобы последний бедняк в округе почувствовал себя богатым.

Теодор усмехнулся. Усмешка вышла кривой, недоброй.

— Хорошо. Я согласен. — Он наклонился вперёд, и лицо его стало жёстким. — Но смотри, не пожалей. Когда деньги у одного — один и порочен. А раздай их многим — и порок расплзётся, как чума. Ты сам посеешь то, с чем хочешь бороться.

Он откинулся обратно, махнул рукой.

— Устраивайся в любой комнате. Еды и воды в доме мало — извини, щедро одарить пока не смогу.

Отто выбрал самую простую комнату, без гобеленов, без мебели, кроме узкой кровати. Сел у стены, прислонившись спиной к холодному камню. Закрыв глаза.

Сон пришёл быстро — тяжёлый, без сновидений, как провал в темноту.

Проснулся он от прикосновения. Чья-то рука легко, почти невесомо тронула его плечо.

Отто открыл глаза. Перед ним, прямо на полу, сидела та самая девушка. Ошейника на ней не было. Только лёгкий халат поверх ночной рубашки. В полумраке её лицо казалось совсем юным и очень бледным.

— Не бойся, — сказала она тихо. — Я пришла поговорить.

Отто сел прямее, разгоняя остатки сна.

— Когда хозяин спит, я снимаю замок и гуляю по замку, — заговорила девушка, глядя не на монаха, а куда-то в стену. — Он не знает. Я однажды выкрала ключи, пока он спал. Думает, что потерял.

Она замолчала, будто собираясь с силами, и заговорила снова — быстрее, твёрже:

— Я пришла, потому что хочу попросить. Хозяин не выполнит обещания. Он не раздаст деньги. Он вообще ничего не отдаёт. — Она наконец подняла глаза. — Но я прошу тебя: пойдись к этим ведьмам. Там, во дворе, лежит моя сестра. Она не умерла — она спит. Я знаю. Я чувствую. Помоги не ему — помоги мне.

— У тебя нет денег, — сказал Отто спокойно. — И, как я понимаю, предложить больше нечего.

Девушка едва заметно усмехнулась.

— Я же вижу: тебе не нужны ни деньги, ни... — она запнулась, — ни женщины. Сделай это ради благодарности. Ради того, во что ты веришь.

Она поднялась. Движения её были бесшумны, как у призрака.

— Прости. Мне пора возвращаться. Скоро рассвет. Он не должен узнать.

И ушла, затворив за собой дверь.

Отто снова закрыл глаза. Но сон не шёл. До самого рассвета он лежал, глядя в тёмный потолок, слушая, как где-то внизу, за стеной, тихо позвякивает цепь, которую девушка снова надевает на себя.

Глава II

В нескольких километрах от замка, куда ещё не добралась людская молва о спящих девушках, стоит густой лес. Деревья здесь старые, с мощными стволами, поросшими мхом, и кронами, смыкающимися так плотно, что даже днём под ними царит полумрак. Земля пружинит под ногами от многолетней хвои. Птицы поют редко и как-то приглушённо, словно боятся разбудить того, кто здесь живёт.

А живёт здесь вампир.

Землянка его спрятана умело — меж трёх поваленных елей, присыпанная сверху дёрном и ветками. Со стороны не заметишь, пока не упрёшься носом в дверь. А к тому времени бывает уже поздно.

Зовут вампира Вольфганг. С виду — молодой, красивый парень. Светлые волосы падают на лоб небрежными прядями, черты лица тонкие, почти девичьи. Глаза светлые, прозрачные, как у человека, который долго болел. Но это лишь оболочка. На самом деле Вольфганг очень стар — настолько, что сам уже сбился со счёта.

Когда-то давно, в другой жизни, он был обычным человеком. У него была невеста. Горячо любимая, единственная. Он и сейчас помнит её запах — лаванда и что-то тёплое, похожее на парное молоко. Помнит, как она смеялась, запрокидывая голову. Помнит день, когда она его укусила.

Это не было нападением. Она просто склонилась к его шее, будто для поцелуя, — и вдруг острая боль, и хлынувший холод, и её шёпот: «Теперь мы навсегда вместе».

Он не смог смириться. Ни с тем, кем стал, ни с её предательством. Он убил её — ту, которую любил больше жизни. Собственными руками. И ушёл.

Скитался долго. Годы, десятилетия. Питался чем придётся, прятался от солнца, хоронился от людей. В этот лес он забрёл случайно — и вдруг почувствовал: здесь можно остановиться. Здесь можно ждать. Чего? Он и сам не знал. Может быть, прощения. Может быть, забвения. Может быть, смерти, которая всё не приходила.

Питался Вольфганг в основном кровью животных. Кролики, лисы, иногда олени — их кровь была пресной, но поддерживала силы. Он не трогал только волков и медведей. Волки напоминали ему о верности — той самой, которую он сам не сумел сохранить. Он часто слышал их вой по ночам и думал: они поют о том, что потеряли. Медведей же он уважал за молчаливую силу, за умение быть одному.

Но иногда в лес забредали люди.

Охотники. Путники. Крестьяне, срезавшие путь. Увидят огонёк в землянке, постучат, попросят на ночлег. И Вольфганг открывает им с улыбкой — такой тёплой, такой мальчишеской: «Заходите, обогрейтесь. Я тут один живу, давно людей не видел». Они верят. Садятся к огню, пьют горячий отвар из трав, рассказывают новости. А он слушает, кивает, подкладывает дрова. И ждёт, пока гость уснёт.

Ни один ещё не дожил до утра.

В тот вечер Вольфганг, как обычно, обходил капканы. Их у него было с десяток, расставленных вдоль звериных троп. Луна стояла высоко, заливая лес серебристым светом, и вампир двигался почти бесшумно — только тень скользила между стволами.

У реки он остановился.

Там, на корточках у воды, сидела девушка. Она мыла руки — медленно, тщательно, будто смывала что-то липкое. Лунный свет падал на её лицо, и Вольфганг разглядел: милая, симпатичная, с тонкими чертами. Но что-то было не так.

Он прищурился, втянул воздух. От девушки пахло иначе, чем от обычных людей. Не страхом, не потом, не дымом костра. От неё тянуло магией — холодной, древней, как земля под корнями старых дубов.

Ведьма.

Вольфганг никогда не видел ведьм. Слышал о них, конечно, — кто в этих краях не слышал. Знал, что они живут где-то на севере, что творят тёмные дела. Но видеть — не доводилось.

Он затаился за деревом. Наблюдал.

Девушка закончила мыть руки, выпрямилась. Высокая, статная. Движения плавные, текущие, как вода. Не крестьянка — крестьянки не двигаются так. Не дворянка — дворянки не ходят по ночному лесу в одиночку. Она набрала воду в бутылку, заткнула пробкой и направилась к северу.

Вольфганг колебался. Подойти? Напугать? Или просто посмотреть, как она уходит? Что-то удержало его на месте — не страх, но осторожность, старая вампирья привычка не лезть в неизвестное без нужды.

Он двинулся следом. Бесшумно, прячась за стволами, перетекая от тени к тени. Он проводил её до опушки — дальше начиналось поле, открытое место, где луна светила слишком ярко. На востоке уже серела полоса рассвета.

Вольфганг остановился. Солнце для вампира — не просто боль. Это медленная, мучительная смерть, от которой нет спасения. Кожа вспыхивает, плоть тлеет, и ты сгораешь заживо, крича в пустоту. Он видел такое однажды. Повторять не хотелось.

Он повернул обратно.

В землянке было темно и тихо. Вольфганг лёг на лежанку из мха, закрыл глаза. Но сон не шёл. Перед глазами стояла она — ведьма у реки.

Он лежал весь день, слушая, как за стенами землянки пробуждается лес. Дятлы отбивали дробь. Где-то далеко рычал медведь. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь щели, рисовали на земляном полу тонкие золотые полосы. Вольфганг смотрел на них и думал.

Что занесло ведьму в его лес? Охотников и путников он понимал — эти просто заплутали. Но ведьма? Она шла целенаправленно. У неё была ноша. Она мыла руки так, будто до этого делала что-то грязное.

И ещё она была красивой.

«Жаль, что не вампир», — подумал он и сам усмехнулся этой мысли. Глупо. Глупо и по-мальчишески. Но мысль не уходила. Она крутилась в голове, смешиваясь с воспоминаниями о лавандовом запахе, о смехе, о боли в шее.

К вечеру он перестал притворяться, что спит. Поднялся, разжёг очаг, сел у огня. Дрова потрескивали, отбрасывая тени на стены. Вольфганг смотрел в пламя и ждал. Сам не зная чего. Может быть, новой ночи. Может быть, новой встречи.

Глава III

Между замком Теодора и лесом, где прятался Вольфганг, есть холм. Не гора даже — так, возвышенность, поросшая колючим кустарником и кривыми сосенками. Местные обходят его стороной. Говорят, в старые времена здесь было капище — язычники приносили жертвы своим тёмным богам. С тех пор земля тут бесплодная, и даже звери не роют нор.

Внутри холма — пещера. Вход в неё скрыт за густым сплетением ветвей, и надо знать, куда смотреть, чтобы его найти. Сама пещера невелика, но глубока. Стены её влажные, покрытые налётом копоти от многолетних костров. С потолка свисают пучки сушёных трав и корней. Вдоль стен — полки, уставленные горшками, склянками, пучками перьев и связками костей. Посередине, на треноге, стоит большой чугунный котёл.

Ведьма Гретхен склонилась над ним, шепча заклинание. Лица её не видно — оно скрыто капюшоном старого, выцветшего плаща. Только руки, тонкие и бледные, мелькают над бурлящей поверхностью.

Вода, принесённая от реки, тонкой струйкой вливается в котёл. Гретхен подливала её медленно, не прерывая шёпота. Потом взяла глиняный горшочек, вылила в варево кровь — тёмную, почти чёрную, густую, как смола. Бросила пучок волос — длинных, светлых, девичьих. Глаза — маленькие, сморщенные, но ещё влажные. Крылья летучих мышей, тонкие, как папиросная бумага.

Пар поднимался к своду пещеры, закручивался спиралью, оседал на стенах маслянистой плёнкой. В котле что-то булькало, вздыхало, словно живое.

Сзади скрипнул полог.

— Ну что, милая, будет сегодня вкусный обед?

Гретхен не обернулась. Она узнала этот голос — резкий, с вечной усмешкой.

— Не мешай. Я колдую.

Фрида вошла, не спрашивая разрешения. Она была выше сестры, шире в плечах. Лицо у неё было грубее, но по-своему привлекательное — хищное, с острыми скулами и тёмными, глубоко посаженными глазами. Одежда её — кожаная куртка, высокие сапоги — была забрызгана чем-то тёмным.

— Колдуй-колдуй, — Фрида уселась на деревянный чурбан у стены, вытянула ноги. — А я хочу есть.

Гретхен наконец оторвалась от котла. Повернулась. Капюшон упал, открыв лицо — бледное, с мелкими морщинками вокруг глаз, но не лишённое странной, увядающей красоты.

— Хочешь есть — иди в соседнюю деревню. Там полно человечины.

Фрида хмыкнула. Достала из-за пояса нож, принялась чистить ногти.

— Ишь ты, чистюля.

— Не чистюля, — Гретхен отвернулась к котлу. — Просто не ем человечину. Это мерзко.

— И это говорит мне та, которая ни разу её не пробовала, — Фрида ухмыльнулась ещё шире, показав острые зубы. — Ты хоть знаешь, от чего отказываешься? Нежное мясо, особенно у молоденьких. И страх придаёт особый вкус. Сла-адкий.

Гретхен промолчала. Она бросила в котёл ещё щепотку какого-то порошка, и варево вспыхнуло зелёным.

— Ну как хочешь, — Фрида поднялась, потянулась. — Я — в деревню.

Она развернулась и вышла, хлопнув пологом.

— Курица, — прошептала Гретхен.

Фрида спускалась с холма быстро, почти бегом. Голод уже давал о себе знать — под ложечкой сосало, в висках стучало. Она ненавидела это чувство. Сразу вспоминалось детство: холодная землянка, пустой котёл, мать, которая ушла и не вернулась. Они с Гретхен выжили тогда. Но голод она запомнила навсегда.

Деревня показалась из-за деревьев. Фрида замедлила шаг, одёрнула куртку, поправила волосы. Теперь она выглядела почти как обычная женщина — усталая путница, ищущая ночлега.

Улица была пуста. Где-то лаяла собака. В окнах домов гасли огни — деревня отходила ко сну. И только из кабака «Медвежья лапа» доносился шум: пьяные крики, обрывки песен, женский смех.

Фрида остановилась в тени, у стены, и стала ждать. Ждать пришлось недолго. Дверь кабака распахнулась, и на улицу, пошатываясь, вывалился мужчина. Грязный, небритый, в

рванной рубахе. От него разило перегаром за несколько шагов. Он сделал два нетвёрдых шага, споткнулся и рухнул бы лицом в грязь, если бы Фрида не подхватила его.

«Жаль, не девственница», — подумала она. Девственницы были вкуснее, в этом она не могла не согласиться со старыми легендами. Но выбрать не приходилось.

— Ну что, путник, притомился? — проворковала она, состроив глазки.

Её едва не вывернуло от запаха. Грязное тело, сальная кожа, перегар — мерзость. Но Фрида пересилила себя. Она чмокнула пьяного в щёку, отряхнула его плечо и потянула за собой.

— Пойдём-пойдём. Я о тебе позабочусь.

Пьяный что-то промычал, попытался ухватиться за неё, но ноги его не слушались. Фрида почти волокла его, оглядываясь по сторонам. Улица была пуста. Никто не видел. Она свернула в переулочек, в темноту, где начинался короткий путь к холму.

Глава IV

Рыцарь ордена Алого солнца Вильгельм сидел у окна в том самом кабаке «Медвежья лапа». Сидел уже не первый час. Перед ним стоял пустой бокал, а за спиной гудел пьяный зал.

Он не оборачивался.

За окном была ночь. Тихая, спокойная, равнодушная. Такие ночи он любил когда-то — они напоминали ему о доме. О родовом поместье, которое он оставил много лет назад ради ордена, ради служения, ради веры. Теперь дом был далеко. И вера тоже далеко. Всё, что осталось, — это бокал вина и тупая боль где-то под сердцем.

Вильгельм не был стар. Ему едва перевалило за тридцать. Но выглядел он старше: седина на висках, глубокие складки у рта, взгляд тяжёлый, как у человека, который видел слишком много.

Он и видел. Смерть. Разрушение. Войну.

Но одна картина не отпускала.

Ребёнок. Совсем маленький, в колыбели. Он лежал, раскинув ручки, и мог бы показаться спящим, если бы не кровь. Кровь была везде — на одеяльце, на полу, на стене. А в двух шагах от колыбели лежала мать. Она ползла к ребёнку, когда её настиг меч. Так и застыла — с протянутой рукой.

Вильгельм не убивал их. Он вошёл в дом уже после. Но чувство было такое, словно это он держал меч. Потому что он был частью этой войны. Частью этой машины, перемалывающей людей.

С тех пор он пил.

Не то чтобы это помогало. Но трезвым быть он больше не мог. Трезвый, он видел лицо матери. И маленькие ручки, раскинутые в стороны.

Сегодня он был почти трезв. Вино кончилось, а заказать новое не было сил. Он просто сидел и смотрел в окно.

Вокруг него гудел кабак. Пьяные мужики орали песни, спорили, дрались. Распутные женщины вились между столами, предлагая себя. Кто-то блевал в углу. Кто-то плакал. Вильгельм не обращал внимания. Он думал о том, как низко пал. Рыцарь ордена, прошедший столько сражений, уповавший в них на веру в Господа, — сидит в богом забытом месте, среди отребья, и не может найти в себе сил даже встать и уйти.

Вдруг кто-то врезался в его стол.

Бокал опрокинулся, вино потекло по столешнице, заливая рукав рыцаря. Вильгельм медленно поднял глаза.

Перед ним стоял пьяный мужик. Грязный, вонючий, небритый. Одежда в каких-то пятнах. Глаза мутные, бессмысленные. Он даже не заметил, что натворил, — просто стоял, покачиваясь, и что-то мычал.

Вильгельм не стал тратить слов. Он встал — медленно, тяжело, — взял мужика за шиворот и выволок к двери. Толкнул. Пьяный вылетел на улицу, споткнулся о порог и растянулся в грязи.

Рыцарь вернулся за свой стол. Перед ним уже стоял новый бокал — трактирщик знал его привычки и не задавал вопросов. Вильгельм сел, сделал глоток, бросил взгляд в окно.

И замер.

Та самая девушка — он не заметил, откуда она взялась, — подхватила пьяного, которого он только что выкинул. Подхватила легко, как тряпичную куклу. Поцеловала в щёку. Отрянула. И повела прочь, в темноту.

«Неужели жена?» — мелькнуло и погасло.

Нет. Жёны не выглядят так. Слишком опрятная. Слишком уверенная. Слишком красивая для такого отребья. И движется она не как женщина, подбирающая мужа из грязи. Она движется как охотник, уводящий добычу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.